

Знаменитые пары СССР

*Одна
таинственная
страсть...*

БЕЛЛА

АХМАДУЛИНА

ЕВГЕНИЙ

ЕВТУШЕНКО

**Вероника Богданова
Евгений Евтушенко и
Белла Ахмадулина. Одна
таинственная страсть...
Серия «Знаменитые пары СССР»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25456823

*Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина. Одна таинственная
страсть... / Вероника Богданова: Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906979-24-7*

Аннотация

Все прекрасно знают, что первой женой известного поэта Евгения Евтушенко была ныне покойная Белла Ахмадулина. Но каким был этот брак, на самом деле знают немногие. По словам бывших супругов, их семейная жизнь была непростой, с одной стороны, и фееричной – с другой. Они встретились совсем молодыми, когда учились в институте, и полюбили друг друга. Несмотря на частые ссоры, влюбленные всегда быстро отходили и мирились. Так случалось всегда, но однажды чаша взаимных ссор и обид переполнилась. Им показалось, что любовь в их доме больше не живет.

Спустя несколько десятилетий после развода в интервью накануне своей смерти Евгений Александрович вдруг нечаянно обронил: «По-настоящему Белла любила только меня...» Что так сблизило двух юных поэтов и что послужило причиной разрыва главной литературной пары 1960-х? Обо всем этом читайте в книге!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вероника Богданова Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина. Одна таинственная страсть...

© Богданова В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Пролог

– Что это за очередь? Что дают? – поинтересовался Анастас Микоян, заметив какое-то столпотворение на Якиманке.

Пестрая толпа состояла из многочисленных групп по два-три человека. Все они ожесточенно спорили, кричали и веселились.

Судя по доносившимся фамилиям писателей и философов, которые звучали в процессе споров, толпа сплошь состояла из студентов. Очередь змеилась и расширялась, постепенно превращаясь в подобие первомайской демонстрации. Не хватало только широких полотен с лозунгами. Очень не хватало.

– Ничего, это за Евтушенко. Он поэт, – пояснили ему.

На дворе было лето 1955 года. Москва погрузилась в сонное и пыльное ожидание. Чуть больше двух лет назад умер Иосиф Сталин, и многое с тех пор уже изменилось, но до знаменитого доклада Никиты Хрущева на XX съезде КПСС было далеко, и ветер свободы пока еще не ворвался в московские окна. И все-таки что-то изменилось. Казалось, что даже воздух в пыльном столичном городе стал другим.

«Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи», – эту фразу произнес Иосиф Сталин в далеком 1935-м году. Спустя двадцать лет ее можно было встретить на плакатах в за-

водских столовых, в фойе кинотеатров и ресторанов. С тех пор смысл, которым наделяли эти несколько слов, дополнился пока еще едва уловимой иронией. Как ни странно, но именно с того момента, когда эту иронию разрешили, жить действительно стало лучше, а главное – ярче.

Слева направо: поэты Михаил Светлов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко на вечере поэзии в Политехническом музее. 1964 г.

Огромная толпа перед зданием старинного особняка литературного музея была тому наглядным свидетельством. Здесь можно было увидеть кого угодно. У самого входа

стояло несколько молодых людей в клетчатых пиджаках в обнимку с девушками в невероятно ярких приталенных платьях с пышными юбками. Это были студенты лучших вузов столицы. Те, кого спустя еще несколько лет станут называть стилистами. Они здесь вообще случайно оказались, что и старались показать всем своим видом. Такие люди не должны ждать в общей очереди. Хотя, с другой стороны, где, как не здесь, демонстрировать свои новые вещи. Чуть подалее, в середине очереди, были только что приехавшие из глубинки студенты-первокурсники, шумные студенты актерских вузов... Кого здесь только не было. Единственным, что их объединяло, были молодость и восторг.

Анастас Микоян попросил своего шофера остановить машину. Одно из первых лиц государства с пораженным видом наблюдало за тем, как сотни, хотя нет, похоже, тысячи молодых людей пытаются попасть на концерт какого-то поэта. Впоследствии рассказывали, что Микоян тогда ошеломленно произнес:

– Впервые вижу, чтобы столько людей стояло в очереди не за продуктами, но за поэзией. Начинается новая эпоха, что поделать.

Евгений Евтушенко в тот день стоял за сценой и наблюдал за тем, как наполняется зал. Где-то там сидела его молодая и не в меру талантливая жена Белла Ахмадулина. По большому счету, ему было не важно, насколько она талантлива, но вот то, что она была самой красивой и необычной девуш-

кой из всех, кого ему доводилось видеть, было действительно важно. Сейчас она сидела где-то в самом углу. Казалось, ей скучно. А возможно, и немного досадно, что сейчас все эти люди собрались не ради ее стихов, слишком личных для такого количества народа. Эта мысль успела лишь промелькнуть в голове, когда вдруг на сцене появился концертный администратор и стал говорить привычные, отвратительно банальные вступительные слова.

Евгений Евтушенко читает свои новые стихи на пушкинском вечере поэзии в зале имени Чайковского. 1968 г.

Неожиданно в голове начинающего поэта всплыли строчки из популярного стихотворения Пастернака. Вообще говоря, Евтушенко никогда не любил его стихов. Он их не понимал и всегда удивлялся тому, что ими восхищаются все вокруг. Его футбольный тренер, глава редакции газеты «Советский спорт», в которой он работал вот уже несколько лет, и даже его жена, Белла, – все они восхищались Пастернаком. Сложные и образные стихи казались Евтушенко несовременными, но не сейчас. Неожиданно вспомнившиеся строчки вдруг стали не просто понятными, но даже какими-то родными. С них он и хотел было начать свое выступление, но вовремя вспомнил, что делать этого не стоит. Отношение властей к Пастернаку было пока еще не резко отрицательным, но настороженным. В этот момент администратор наконец объявил его имя, и Евгений Евтушенко пошел на сцену, повторяя про себя те неожиданно вспомнившиеся строчки из Бориса Пастернака:

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку...

Глава 1

Крик, гудок и выстрел

*«Крик ребенка, гудок, выстрел – так началась
моя жизнь».*

(Евгений Евтушенко)

Евгений Александрович Гангнус появился на свет теплой июльской ночью 1932 года. В до смешного маленьком Нижнеудинске Иркутской области все всех знали, и уж тем более знали всех недавно приехавших сюда геологов. Эти иностранные студенты-фантазеры, добровольно приехавшие сюда из столицы, вызывали у местных жителей недоумение, опасение и отчаянное любопытство. Самым интересным считался, конечно, Александр Гангнус.

Высокий, худой молодой человек в очках, славящийся своим умением сочинять стихи, выглядел здесь совсем уж странно. Слишком уж он не соответствовал окружающей его обстановке. Впрочем, похоже, именно это несоответствие ему и нравилось. Он умел нравиться и всегда, в любой компании оказывался эпицентром внимания. Этому способствовал не только его интеллигентный вид и странная фамилия, но и патологическая, фатальная удачливость. Казалось, что сама Фортуна ведет его за руку.

Той теплой ночью, когда Александр Гангнус привез свою

молодую жену Зинаиду в больницу, удача вновь была на стороне счастливого геолога. Врачи больницы моментально выставили его за порог, оставив ждать новостей на улице. Как и полагается, Александр собирался отправиться в рюмочную, чтобы ждать там вестей, но все обернулось еще лучше. Проходивший мимо начальник станции предложил ему отправиться вместе с ним, чтобы сыграть пару партий в преферанс. Играть молодой геолог любил, но без фанатизма. Он воспринимал карты как способ дополнительного заработка, так как выигрывал практически всегда. Друзья знали об этом его свойстве и предусмотрительно отказывались садиться с ним за карточный стол, да и не хорошо оставлять друзей без их законной зарплаты. А вот пропустить пару партий с незнакомым человеком, да еще и начальником станции, вполне можно было себе позволить.

Был уже поздний вечер, когда они всей толпой вломились в кабинет начальника станции. Всего их набралось человек пять. Помимо Александра и самого начальника с ними увязалось еще несколько человек. Все из числа подчиненных грузного и пожилого начальника станции, имя которого затерялось в архивах истории.

В карты не может везти всегда, рано или поздно Фортуна утрачивает интерес даже к самым любимым своим героям, но казалось, что на Александра этот закон не распространяется. То ли шулер, то ли дьявол. Именно таким представлялся он своим новым знакомым. За весь вечер он проиграл

лишь пару раз. Не в меру азартный начальник станции уже давно проиграл все свои личные деньги и даже памятные часы, подаренные ему за хорошую службу. В ход пошли деньги общественные, но и они вскоре должны были закончиться.

Туман за окном медленно рассеивался, и начинали проступать смутные очертания деревьев. Воздух в маленькой комнате был буквально отравлен едким запахом табака. За несколько часов напряженной игры они выкурили пару пачек дешевых папирос.

Теперь за игрой остались лишь Александр и начальник станции. Все остальные лишь молча наблюдали за ходом игры. Кто-то уже спал, привалившись к стене, а один человек безмолвно стоял у стены и, глядя на карты молодого геолога, нервно мямлял в руках пачку сигарет. Его вполне можно было бы обвинить в том, что он подсказывает начальству, если бы Гангнус при этом не выигрывал, раз за разом вдвое увеличивая свой выигрыш.

– Пойдемте, подышим свежим воздухом, товарищ Гангнус, – проронил вдруг этот безмолвный наблюдатель.

Александр вдруг резко изменился в лице и хмуро кивнул. Выйдя на улицу и окунувшись в зыбкий северный туман, Александр слушал то, что ему говорят. Он и сам понимал, что этот вечер станет роковым для кого-то из их компании. Либо застрелят его, либо застрелится сам начальник станции. Выигрыш сплошь состоял из государственных денег, за которые потом просто невозможно будет отчитаться.

Евгений Евтушенко с мамой Зинаидой Ермолаевной, бабушкой Марией Иосифовной и прабабушкой Марией Михайловной. Дача, Клязьма, 1935 г.

Выслушав все наставления, Александр вернулся за игру. Теперь в комнате были лишь он, начальник станции и пара храпевших в углу людей.

– Я понимаю, что здесь не все деньги ваши, давайте я заберу только личные средства, а казенные трогать не буду, – предложил он.

Начальник станции затих на короткое время. На лице его отразилась трудная работа мысли и совести.

– Нет, товарищ Гангнус, если вы оставите деньги, вы от-

берете у меня нечто поважнее. Честь, офицерскую честь вы заберете, – пояснил он чуть более тихим, чем следовало, тоном. – Последняя партия. – Это он произнес так громко, что даже пара храпевших в углу людей вздрогнули.

Александр кивнул и открыл разложенные перед ним карты. Сумма очков была минимальной, он попросту не мог выиграть. Решив не испытывать судьбу, Гангнус остановился на четырнадцати.

– По правилам вы должны взять еще одну карту, – тихо, но весьма решительно произнес начальник станции. Тон его был таким, что Гангнус не решился спорить. Сейчас их цели в игре совпадали. Оба они хотели лишь одного: чтобы Александр наконец проиграл. На кону сейчас было больше, чем все. Чья-то жизнь.

Гангнус взял еще одну карту, и теперь ахнули все, кто наблюдал за игрой. Молодой человек в очередной раз собрал двадцать одно очко. Начальник станции проиграл последние свои деньги. Нужно было что-то сказать, о чем-то договориться и как-то успокоить этого немолодого и слишком азартного человека, но все карты спутала ворвавшаяся в комнату медсестра. Он бежала сюда пару километров лишь для того, чтобы сообщить об успешных родах его жены. У Александра родился сын.

Молодой геолог лихорадочно кивнул и понесся по коридору. Когда они уже почти добрались до выхода, слышался хлопок, заглушенный гудком проезжавшего мимо поезда.

В этот вечер начальник станции Нижнеудинск застрелился, а на свет появился мальчик, будущий поэт, которого называли Евгением.

«Отец никого не расстреливал, но его самого могли арестовать в любой день и расстрелять: он был сыном врага народа. Почему же он думал о самоубийстве, когда убийство ходило вокруг него? Может быть, он всю жизнь переживал самоубийство начальника станции, ибо сам не раз был близок к такому уходу и понимал, как страшно принять это непоправимое решение? А может быть, именно самоубийство начальника станции спасло его от собственного?»

(Евгений Евтушенко)

Впоследствии эта история рассказывалась такое количество раз, что постепенно утратила все черты реалистичности, превратившись в легенду. Как утверждал потом сам поэт, точным и правдивым в ней остались лишь гудок, выстрел и крик младенца, а также главный совет отца: никогда не играть в карты. Сам Александр Гангнус с тех пор так ни разу и не сел за ломберный столик, а впоследствии запретил это делать и Евгению. Проиграть, по его словам, было совсем не так страшно, как выиграть. Ведь, получая деньги, ты всегда теряешь нечто большее. Выигрывая у друзей, ты теряешь их, а выигрывая у людей незнакомых, ты ненароком можешь убить.

«Отец рассказал мне историю моего рождения, когда

мне было тоже двадцать два года и я тоже ночи напролет играл в карты на деньги – в очко, покер, преферанс, кинг, даже в „веришь не веришь“, и мне тоже чертовски везло. С тех пор я никогда не играю в карты на деньги».

(Евгений Евтушенко)

Детство будущего поэта прошло на железнодорожной станции с поэтическим названием Зима в двух сотнях километров от Иркутска. Здесь жила бабушка Евгения, мать Зинаиды. В большом бревенчатом доме никогда не было особых проблем с едой и одеждой, но вот от недостатка внимания родителей Евгений действительно страдал. Александр и Зинаида искренне пытались быть хорошими родителями, но вот друг с другом они уживаться больше не могли.

Однажды, собирая мужа в командировку, Зинаида нашла в его чемодане упаковку чулок, предназначавшихся не ей. О чем-то подобном она подозревала и раньше, но эта находка стала последней каплей. Когда Александр вернулся домой, на пороге он нашел чемодан со своими вещами и упаковку чулок, лежащую поверх громоздкого багажа. Он все понял и ушел. Уехал в командировку, надеясь помириться по приезду, но этого не произошло. Есть вещи, которые человеку не под силу простить, у каждого это нечто свое. Кто-то не может простить предательство, кто-то кражу, а кто-то измену. Так или иначе, у любого человека есть точка невозврата, и Александр, сам того не заметив, купив эти чулки, переступил невидимую черту. Их с Зинаидой брак распался, хотя

даже спустя много лет они продолжали поддерживать ради сына подобие дружбы.

Вскоре после рождения сына Александр и Зинаида вернулись в Москву, но сначала развод родителей, а затем и война внесли свои коррективы. Зинаида обладала красивым и звучным голосом, поэтому в самом начале войны она отправилась вместе с актерской труппой выступать перед солдатами. Впоследствии она часто вспоминала, что никогда у нее не было более благодарных слушателей, чем солдаты, которые слушали ее перед тем, как отправиться в бой. В те моменты казалось, что даже природа затихала, чтобы лучше расслышать каждую ноту.

Евгений Евтушенко на станции Зима.

Я знал, что мне дадут ответы дружно на все и «как?», и «что?», и «почему?», но получилось вдруг, что стало нужно давать ответы эти самому.

(Евгений Евтушенко, «Станция Зима»)

Евгений тем временем был у бабушки в эвакуации. Здесь, на станции Зима, он и отправился в школу. Учеба ему давалась легко, ну а иметь пятерку по поведению было даже как-то... стыдно. Впрочем, проблемы с поведением начались чуть позже. В первом классе Евгений был круглым отличником, а вот в третьем уже нет.

Все изменилось в день, когда учительница физкультуры неожиданно подозвала лучшего друга ученика третьего класса Евгения Гангнуса к себе.

– Твой отец сейчас сражается на фронте, его в любой момент могут убить немцы, а ты дружишь с таким вот немцем, как тебе не стыдно?! – сказала женщина.

Мальчик не понял, почему его лучшего друга Женю Гангнуса обозвали немцем, но дома родители объяснили. Учительница физкультуры продолжала издеваться над неблагозвучной фамилией Гангнус, чем доводила будущего поэта до истерики.

Узнав о произошедшем, бабушка Евгения Мария Иосифовна немедленно побежала в школу. Обидчицу она обнаружила в учительской, сидящей на небольшой кушетке под портретами Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

– Вы что же, считаете, что ваши Маркс и Энгельс узбеками были?! – дрожащим от возмущения голосом воскликнула она.

Ссора эта превратилась в цунами местного масштаба. Орущих друг на друга женщин смог разнять лишь директор школы. Конечно, учительница физкультуры была не права, но... А если вспомнить тот факт, что ее муж в этот момент умирал в военном госпитале от пули, которую он получил, сражаясь с немцами? Кто в этом был виноват? Можно было бы найти тысячу ответов на этот вопрос, но для этой женщины виноваты были немцы, то есть и Женя Гангнус тоже.

Мария Иосифовна еще долго кипела от возмущения, пересказывая подробности той ссоры. Впрочем, именно благодаря этому эпизоду стало понятно, что фамилия отца может принести мальчику еще много серьезных проблем. Понимая это, женщина отправилась в паспортный стол и добилась разрешения изменить фамилию мальчика, а заодно и год рождения. Цифру «1932» исправили на «1933». Жене предстоял переезд в Москву из эвакуации, а если бы ему к тому моменту было двенадцать лет, нужно было бы делать специальное разрешение, а вот одиннадцатилетний ребенок имел право вернуться из эвакуации безо всяких документов.

Глава 2

В Москве

17 июля 1944 года по Москве должен был пройти марш пленных немцев. Женя Евтушенко вот уже несколько недель, как вернулся из эвакуации. Родители его были на фронте, а Женя жил в семье отца. Воспитанием мальчика занялась сестра Александра Ирина Рудольфовна Козинцева. Эта стройная и смелая женщина в строгих очках в роговой оправе казалась мальчику воплощением всего важного и почему-то запрещенного.

«Я увидел их около Проспекта Мира. Минут пятнадцать от Рижского вокзала. Любопытно было на них посмотреть, да и они, как я потом заметил, нас всех тоже с любопытством разглядывали. По большому счету, их вели ведь не только, чтобы нам показать, но и наоборот. Эти солдаты три года слушали немецкое радио, которое толдычило, что Москва давно разрушена, а тут они увидели город, чистый летний город, в котором даже не было заметно последствий четырех лет войны.

Москва тогда была почти пустой. Мы вернулись из эвакуации в 1943-м, но и к 1944-му еще не все вернулись. В тот день все на улицу высыпали. Сначала показались военачальники. Их немного было. За ними

шли обычные солдаты, офицеры. Все тощие, уставшие, в каких-то лохмотьях, многие были даже босиком. Охраны было немного, все немцы были поразительно дисциплинированы, шли нога в ногу, не шумели, не пытались бежать. Иногда кто-то падал, правда. Колонна была гигантской. Они оставляли за собой грязные разводы, мусор, поэтому сразу за маршем шли поливальные машины».

(Евгений Николаевич Бондарев)

Тем июльским днем Женя Евтушенко привычно слонялся по московским улицам, пока не заметил какие-то мрачные приготовления на одной из них. Людей везде было как-то слишком много. В основном женщины и дети. Оно и понятно: исход войны был уже определен, но все мужское население страны по-прежнему сражалось на фронте.

«Парад побежденных». Немецкие военнопленные на ули-

цах Москвы. 1944 г.

Сейчас на улицах появились мужчины в форме. Они выглядели напряженными и сосредоточенными. Все они таскали какие-то балки, пытаясь соорудить самодельное ограждение.

– Их сейчас убивать будут... – крикнул один из людей в форме.

Уже другой парень несколькими минутами позже пояснил Жене смысл брошенной фразы. Сейчас по улицам поведут пленных немцев. Практически у каждой женщины здесь муж, отец или брат умерли на войне, сражаясь с немцами. Именно эти пленные виноваты в смерти их близких. Сейчас их должны были начать убивать.

Неожиданно вспомнилась учительница физкультуры, которая считала, что в смерти ее мужа виноват ученик по фамилии Гангнус, просто потому что он немец. Мы никогда не мстим тем, кто виновен в наших трагедиях, мы мстим тем, кто попался под руку... Это понимали все: и военные, и собравшиеся здесь женщины, и третьеклассник Женя Евтушенко.

Впереди показалась толпа, справа и слева охраняемая советскими солдатами. Первыми в колонне шли генералы. Их гордые и мрачные лица были воплощением холодного смирения перед судьбой. Чисто теоретически их еще можно было возненавидеть, хотя и получалось с трудом. Как и тысячи

школьников, Женя Евтушенко каждый день слушал радиосводки с фронта, знал наизусть стихи и лозунги, совершенно искренне ненавидел всех немцев, потому что они были повинны в смерти тысяч советских солдат. Но тогда ведь речь шла о каких-то абстрактных немцах, а сейчас по московским улицам вышагивали настоящие, живые немцы с изможденными и уставшими лицами. Их не получалось ненавидеть.

За рядами военачальников показались обычные немецкие солдаты. Они еле держались на ногах от голода и усталости, многих лихорадило. Видны были только лица. Вдруг один из солдат, шагавший в конце ряда, начал падать. Женщина по правую руку от Жени Евтушенко начала расталкивать все оцепление, требуя пропустить ее. Спорить с ней никто не решился. Все понимали: сейчас она первой кинет в кого-нибудь камень, а потом последуют остальные. Эту колонну сейчас буквально растерзают, и ни сотня, ни тысяча конвоиров от этого не спасут...

Вдруг женщина подхватила падающего солдата и стала поспешно засовывать в карман формы кусок серого, испеченного из дикой смеси отрубей и гороха, хлеба. Вслед за ней остальные женщины тоже бросились засовывать в карманы падающих от голода изможденных немецких солдат куски хлеба и смальца.

Сцена этого шествия пленных немцев навсегда отпечата-лась в памяти будущего поэта. В каждом или почти каждом интервью он вспоминал эту сцену, всякий раз дополняя ее

новыми подробностями, но всегда заканчивая только фразой:

Это были уже не враги.

Это были люди.

* * *

В сентябре 1944 года Женя Евтушенко пошел в четвертый класс. Мама его вернулась с фронта лишь спустя пару месяцев после начала учебного года. По большому счету Женя оказался предоставлен самому себе, и это положение не могло не радовать.

В эти счастливые дни он впервые попытался написать свои первые стихотворные строчки. Что-то из этих первых и наивных попыток звучало совсем уж отвратительно, что-то попросту забылось, но было четверостишие, отчего-то плотно засевшее в памяти поэта. Пожелтевший лист, на котором оно было записано, давно выкинули.

Я проснулся рано-рано
и стал думать — кем мне быть.
Захотел я стать пиратом,
грабить корабли.

Жажда приключений уже тогда путала ученику четвертого класса все карты. Учился он по-прежнему хорошо, но упо-

ительные приключения, которые таили в себе бесконечные московские улочки, так и манили его.

Евгений Евтушенко в детстве. 1940-е гг.

В ноябре с фронта вернулась мама Евгения Зинаида Ермолаевна Евтушенко. Он даже не узнал ее поначалу, так она изменилась. Она так похудела, что казалась почти бесплотной, а вместо гривы красивых и вьющихся волос на голове у нее была шапка иссиня-черных волос, оказавшаяся плохо скроенным париком. Под ним скрывалась обритая наголо голова. Тиф и вши... Фронтовые условия не только внешне изменили эту хрупкую женщину, но и надломили ее.

Четвероклассник Женя Евтушенко прибежал в школу одним из первых. Небывалое для него дело. Обычно он норовил опоздать, а лучше и вовсе прогулять уроки. Всему классу он объявил о том, что к нему приехала мама. Друзья постоянно донимали его расспросами о том, где его мама и почему он целыми днями предоставлен сам себе. Если он сирота, то должен жить в детском доме...

Эти расспросы, по большому счету являющиеся повторением разговоров взрослых, сильно обижали мальчика. А уж скептическое выражение лиц, появлявшееся в тот момент, когда он говорил, что его мать певица, обижало вдвойне. Сейчас он, наконец, мог смело опровергнуть все слухи и досужие домыслы. Теперь ему все завидовали, но продолжалось это недолго.

Вернувшись с фронта, Зинаида Ермолаевна очень долго не могла найти работу. Конечно, свободных трудовых мест

было полно, но все это было не достойно... Выступая перед солдатами в дождь и снег, понимая, что ее голос и ее песня могут стать последним хорошим воспоминанием в жизни солдат, она отдавала всю себя этой работе. В конечном счете ее голос не выдержал. Она больше не могла петь, а безголосые певицы почему-то никому не были нужны. Лишь спустя пару месяцев она устроилась на работу, но куда, так и не сказала. Донесли добрые одноклассники. Кто-то увидел эту хрупкую женщину в фойе кинотеатра «Форум». Здесь она вместе с небольшим оркестром должна была встречать гостей, распевая патриотические песенки, которые почему-то никто не хотел слушать. Недостойная и непочетная работа, так сочли «добрые» одноклассники.

Это был май 1945 года. Город праздновал великую победу, на каждом углу можно было встретить компании ликующих от счастья людей. Повсюду устраивались открытые сцены, наспех сколоченные из досок. Отовсюду слышались пронизанные всеобщим ликованием знакомые строки из песен военных лет.

Серое, немного громоздкое здание на Садовой-Сухаревской улице не стало исключением. Уже на подходе к нему стали все чаще встречаться группы счастливых и чересчур веселых людей.

Зинаида Ермолаевна тихо пела в микрофон в фойе кинотеатра. Увидев это до слез печальное зрелище, Женя еще долго не решался подойти поближе к сцене. Он так и стоял,

спрятавшись за колонной, и наблюдал за тем, как развеселые компании проходят мимо небольшого оркестра при входе. Мама все-таки заметила его и попросила оркестр чуть пораньше отпустить ее. Будущий поэт помог матери собраться и лихо подхватил большую сумку с концертными костюмами и париками.

– Я ведь хорошо пела, правда? – без конца вопрошала хрупкая женщина всю дорогу. И каждый раз Женя хмуро кивал ей в ответ.

* * *

Чтобы избежать насмешек одноклассников или попросту от неизбывного желания свободы, ученик уже пятого класса Евгений Евтушенко стал безбожно прогуливать школу. Он честно приходил в школу к первому уроку, но уже через пятнадцать минут сбегал через открытое окно в туалете на первом этаже.

Учеба ему давалась по-прежнему легко, но стали появляться предметы, в которых Евтушенко ни черта не смыслил. Физика, химия и вскоре даже любимая математика. Учителя жаловались на него и без конца грозились вызвать родителей. В восьмой класс он так и не смог перейти, будущего поэта оставили на второй год. Ученик по фамилии Евтушенко портил всю статистику школы.

Москва 1950-х гг.

Уже на следующий год к ним в школу приехал человек с патриотической лекцией, разъясняющей смысл знаменитого доклада Жданова. Пытливый и не в меру начитанный ученик седьмого класса Евтушенко заметил, что пара строк из этого доклада слово в слово повторяют статью из литературной энциклопедии. Будущий поэт тут же поднял руку вверх и сообщил докладчику об этом. Воцарилась мертвая тишина. Все замерли в ожидании чего-то ужасного, что непременно должно было последовать за таким выступлением.

«...выручил наш десятиклассник, школьный комсомольский вожак Дима Калинин – единственный в школе, кто позволял себе носить длинную, хотя и умеренно, прическу и элегантный, хотя и неброский, галстук.

– Мне кажется, Женя, ты нездоров, – сказал он, ласково приложив к моему лбу ладонь. – У тебя явно высокая температура... Ребята, проводите Женю домой...»

(Евгений Евтушенко)

Без внимания такая выходка остаться не могла. Кое-как ученика по фамилии Евтушенко перетащили из седьмого класса в восьмой, а затем попросту вытурили его в только что открывшуюся школу № 607. Тогда еще не было понятия «коррекционная школа», но общеобразовательное учреждение № 607 в Марьиной Роще было как раз такой шко-

лой, предназначенной для обучения неблагополучных подростков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.